

С. К. ШАМБИНАГО

ПЕСНИ ТАТАРСКОГО ЦИКЛА

Публикация С. Н. Азбелева

Сергей Константинович Шамбинаго (1871—1948) соединял в себе фольклориста и литературоведа, отдавая предпочтение в своих трудах произведениям древнерусской литературы. О ней была написана магистерская диссертация, в которой исследовался цикл памятников, отсылавшихся на Куликовскую битву. К этой теме ученый не раз обращался и позже, демонстрируя связь литературных текстов Куликовского цикла с народным эпосом. Ряд работ С. К. Шамбинаго был специально направлен на исследование устного эпоса. Ему он посвятил и свою докторскую диссертацию. В области изучения новой русской литературы ученого привлекало наследие Н. В. Гоголя и А. Н. Островского.¹

Будучи учеником и последователем В. Ф. Миллера, С. К. Шамбинаго как эпосовед уделял пристальное внимание соотносительности русского эпоса и русской истории. Не все его построения выдержали испытание временем, некоторые сразу же вызвали обоснованные возражения со стороны других представителей исторической школы. Это относится главным образом к двум тенденциям, появившимся в эпосоведческих работах С. К. Шамбинаго: он считал былины по преимуществу обязанными своим появлением XVI столетию (например, полагал, что за образом Василия Буслаева следует видеть царя Ивана IV) и преувеличивал роль литературы как источника произведений фольклорных (например, утверждал, что «Сказка про Мамаю безбожного» основана на тексте «Синописа»).

¹ О жизненном пути и трудах С. К. Шамбинаго см.: *Водовозов Н. В.* С. К. Шамбинаго // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 481—486; *Гудзий Н. К.* Изучение русской литературы в Московском университете. М., 1958. С. 59—61.

С. К. Шамбинаго как ученый был, по выражению Ю. М. Соколова, «легкомысленный человек, хотя и талантливый».² Первое проявлялось не только в экстравагантности некоторых его ученых построений и малоубедительности некоторых доводов. В трудах С. К. Шамбинаго встречаются цитирование по памяти, приблизительные ссылки, не вполне точные сведения. Встречается это и в публикуемой его работе. Но при всем том она отразила концепцию талантливого ученого, основательно занимавшегося материалом, о котором он пишет, и потому заслуживающую внимания.

Тематически и концептуально статья «Песни татарского цикла» примыкает к выполненному в свое время С. К. Шамбинаго исследованию письменных памятников Куликовского цикла — исследованию, позже корректировавшемуся самим автором под воздействием критики со стороны А. А. Шахматова и других. Написана эта работа, по-видимому, уже в последние годы жизни С. К. Шамбинаго, а предназначалась, как можно думать, для несостоявшегося издания восьмого сборника «Советский фольклор». Машинописный текст с рукописными поправками автора обнаружен в Рукописном отделе Пушкинского Дома: разряд V, коллекция I, папка 41, номер 5. При подготовке статьи к печати ее библиографический аппарат приведен в соответствие с современными издательскими правилами.

² «Верю, мы для России пригодимся»: Переписка Б. М. и Ю. М. Соколовых (1921—1923) / Публикация В. А. Бахтиной, Г. Г. Григорьевой и Э. В. Померанцевой // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. С. 18; ср.: Там же. С. 87 и 151.

[ТЕКСТ]

В существующих сборниках песен¹ находится ряд старин, где богатыри изображены в борьбе с татарами. Старины эти можно распределить по группам. К первой относятся: 1) Михаил

¹ Сборник Кириши Данилова / Под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901 (обозначая — Кириша); Песни, собранные П. В. Киреевским: 2-е изд. Т. I. М., 1868; Т. II и III. М., 1861. (Кир.); Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: 2-е изд. / Под ред. Е. А. Грузинского. Т. I. М., 1909; Т. II и III. М., 1910. (Р.); Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. I // Сб. Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1894. Т. 59; Т. II // Там же. 1896. Т. 60; Т. III // Там же. 1900. Т. 61, вып. 1 (Г.); Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894. [Разделы I и II] (Т.—М.); Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901 (М.); Печорские былины / Записал Н. Ончуков. СПб., 1904 (О.); Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. В. Ф. Миллера. М., 1908 (Ннз.); Труды Музыкально-этнографической комиссии. М., 1908. Т. 2 (Тр.); Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым. Т. I. М., 1904; Т. III. СПб., 1910. (Гр.); Сказки и песни Белозерского края / Записали Борис и Юрий Соколовы. М., 1915 (С.).

При ссылках римская цифра обозначает номер тома или раздела, арабская без буквы «с» — номер текста.

Данилович, 2) Сухан Домантьевич, 3) Мамаево (Камское) побоище; ко второй — 4) Василий Игнатъевич, 5) Илья Муромец в ссоре с Владимиром; к третьей — 6) Илья Муромец и Ермак, 7) Илья Муромец и Калин царь, 8) Суroveň-Суздадец.

В науке не раз отмечалось, что все эти композиции находятся в столь тесном сплетении друг с другом, что можно мыслить существование целого *цикла татарских песен*.*

Первым указал на это проф. О. Ф. Миллер.² В сборнике Афанасьева находится сказка «Балдак Борисъевич» (№ 180). На пиру в Киеве князь Владимир «наметывает» на богатырей службу — увести у салтана турецкого коня златогривого, убить кота-бахаря, самому салтану в глаза наплевать. Никого не выискивается. Дочь Владимира советует поискать по кабакам «молода Балдака Борисъевича от роду семилетнего». Его приводят, опохмеляют. Балдак с дружиной не только выполнил поручение, но даже сжег салтанов «любимый сад», где поставил шатры. Выдает Балдака младшая салтанова дочь; его хватают, ведут на казнь. Балдак перед смертью трубит в рожок, дружина бросается на выручку. Повесив салтана с дочерью, герой вернулся в Киев. — О. Ф. Миллер видел в этой сказке мост, соединяющий старину о Василье Пьянице с песнями о богатыре-малолетке. Припоминалась украинская легенда о малолетнем Михайлике, который унес, в обиде на киевлян, в Царьград на своем копье «Золотые ворота», припоминалась потому, что в одном варианте о Василии Пьянице князь встретил героя у «Золотых ворот».

Еще детальнее разработал циклизацию акад. А. Н. Веселовский, который составил целую схему песен, идущую от Михайлика, через Михаила Даниловича, к старинам об Илье, Калине, Ермаке, Василии Пьянице и, по некоторым деталям, — к старинам об Илье и голях кабацких.³

Сложнее обстоит вопрос о времени создания песен татарского цикла. В науке до сих пор преобладает мнение об очень раннем возникновении русских эпических песен. Поэтому нахождение в некоторых вариантах татарских песен имени «Батыги» (Батыя) заставляло исследователей охотно относить старины ко временам первых столкновений Руси с татарами, т. е. к XIII—XIV вв. Между тем русские считались с татарами, как с врагами, от Калкской битвы до покорения Крыма, почти до конца XVIII в. Для средневековых книжников враждебные пришельцы были еще народом «неведомым», сказочным «Гогом и Магогом», заключенным в горах Александром Македонским. Татар узнали позже, во время вассальных отношений Руси к Золотой орде.

* «Песни татарского цикла», «цикл татарских песен» — авторские варианты названий русских народных песен на темы татарщины (*прим. ред.*).

² Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869.

³ Веселовский А. Н. Южнорусские былины. [Т. I]. СПб., 1881. С. 3—60.

За долгий период взаимных отношений поражения сменялись победами, ужасы Батыевщины были отомщены Куликовской битвой, разгром Москвы Тохтамышем возмещен спасением от нашествия Тамерлана, в 1480 г. было формально уничтожено «татарское иго», XVI век принес падение царств Казанского и Астраханского и вместе с тем сожжение Москвы крымцами. После тяжелых, не всегда успешных походов XVII и начала XVIII в. последнее Татарское царство перестало существовать в 1774 г. Обширное поле для хронологических воздействий!

Книжность последовательно отражала на себе влияние длительного процесса. Батыевщина дала «Повесть о разорении Рязани Батием», Куликовская битва вызвала «Задонщину» и ряд других повестей, в XVI в. создалась огромная «Казанская история», в XVII в. появились «Азовские повести». Основаниями для них служили события датированные, и, как бы ни претворялась историческая основа, связь с фактами не нарушалась.

Иное дело — фольклор. Правда, существуют «исторические песни», например «О взятии Казани», где фактическая основа налицо. Но как быть с такими песнями, где у героев нет исторических имен, у событий — точного приурочения? Несомненно, что в них фактический материал изменен и приспособлен для каких-то определенных заданий. Чтобы выяснить точное время возникновения таких старин, необходимо изучать их по отношению к книжной литературе и, главное, обращать внимание на социальную основу.

О. Ф. Миллеру принадлежит ряд существенных высказываний относительно песен татарского цикла. В своих «сравнительно-критических наблюдениях над слоевым составом народного русского эпоса» он обратил внимание, во-первых, на то, что в песнях о татарщине, сгруппированных вокруг князя Владимира, повествуется и о нападении на Русь Батыея, и об освободительной борьбе на Куликовском поле, и о наступательных подвигах Ермака;⁴ во-вторых, что сам Владимир в качестве центральной фигуры меняет облик, начиная носить все признаки московского «белого царя», как он назван в одном из вариантов, записанных на Иртыше.⁵ Вместо «ласковости», обычно присущей этому персонажу, «осуровленный» великий князь слушает наветы «неизменных слуг», оговаривающих богатырей, заключает в тюрьмы победителей, подозрителен и неблагодарен. Такой «совершенно иного рода нрав» казался исследователю «позднейшим слоем», когда на «основной песенный тип» великого князя «налег государственный деспотизм в духе Ивана Грозного».⁶ Под влиянием московского периода русской истории в старинах начали «от-

⁴ Миллер О. Ф. Илья Муромец... С. 710.

⁵ Там же. С. 686.

⁶ Там же. С. 329.

слаиваться» черты самоуправства, властность времен царских, выражавшаяся в «наметывании» на богатырей службы волей-неволей.⁷

Но для О. Ф. Миллера, славянофила и представителя мифологической школы, всякая эпическая песня должна иметь «древнейшую основу». На эту основу в течение дальнейшей жизни песни исторические смены оставляли только налет, сквозь который первоначальная основа всегда была обязана проглядывать. «Бытовые слои» на песнях татарского цикла принадлежат, по указанию О. Ф. Миллера, XVI веку. Исследователь не раз возвращался к этой датировке, и первый указал на присутствие черт эпохи Ивана Грозного в старинах о Сухане и Даниле Ловчанине. Им же был определен и основной тон татарских песен: осознание превосходства русской силы над врагами. Скорое и легкое истребление татар, по его словам, отзывается «строем народной трагикомедии».⁸ Татар не только всякий раз побеждают, но и всячески глумятся над ними; такое издевательское отношение можно сравнить разве с содержанием казацких посланий к султанам. И там и тут — «могучий и меткий народный юмор». «Батыга» мог стать смешным только тогда, «когда достаточно простыли следы исторического Батыя».⁹

Замечания — верные, но исследователь не настоял на них, спеша добраться до мифической основы старин, до «ласкового» Владимира, «красного солнышка» в переносном и буквальном смысле. Но сам же О. Ф. Миллер указал, что «поверх ласковости и доброжелательности» великого князя тут же отмечаются черты нрава совершенно иного.¹⁰ Владимир корыстолюбив, трусоват, способен на ложную клятву, недалек; он ничем не занят, кроме постоянного пиროвания, богатырей заставляет или взыскивать «дани-выходы» или, главное, добывать себе невесту.

Таким образом, «центральная фигура русского эпоса» оказывается или в достаточной степени безразличной, а если и определенной, то чертами отрицательными, или «осуровленной», напоминающей царя Ивана. И там и тут Владимир очень далек от образа средневекового феодального князя, каким, положим, изображает такого «Слово о полку Игореве». Там «Святослав грозный», которому народы поют славу за победы, и деятелен и любвеобилен. Получив сведения от «бояр-дружины» о судьбе своих «сыновцев», он скорбит, отечески укоряет буйных вассалов, положившихся на свою удаль, но тут же не дает «гнезда своего в обиду». Его стремление помочь им выражено в обращении, не без лести, к другим крупным феодалам, сильным, богатым и

⁷ Там же. С. 410, 473.

⁸ Там же. С. 622, 631.

⁹ Там же. С. 716.

¹⁰ Там же. С. 329.

«многовоям». Здесь Святослав — первый между равными, очень далекий от каких-либо приказаний. Другие князья — своевольные авантюристы. «Слово о полку Игореве» полно картинными воспоминаниями на тему о «стоне русской земли», когда князья говорили: «Это — мое и то мое же», когда в разные стороны рязли у них знамена, когда не слышно было по полям земледельцев, а только грай ворон, деливших меж собой трупы. Владимир в старинах с его или сентиментальными или повелительно-нетерпимым отношением к богатырям и князьям-боярам выступает продуктом совершенно иной социальной среды.

О. Ф. Миллеру принадлежит также указание на особенность построения старин татарского цикла: композиция их во многом напоминала ему «строй наших летописей и книжных сказаний».¹¹

ПЕСНИ О НЕУЧЕСТВОВАННЫХ ВОЕВОДАХ

Первая группа песен татарского цикла отмечена яркими чертами психологии княжеско-боярского класса в пору его непосильной борьбы с возвышающимся злейшим врагом — абсолютизмом. Группу можно назвать «песнями о неучествовавших воеводах». «Осуровление» их центральной фигуры — результат плохо скрытого антагонизма.

Композиция песен восходит к определенному книжному источнику — повестям о Мамаевом побоище. Литературные обработки события 1380 г. начались в XV, продолжились в XVI в. За это время повести стали достоянием широкого круга читателей. Таким образом, создается термин, раньше которого не могла возникнуть разбираемая группа песен.

1. Песня о Михаиле Даниловиче

Вариантов песни — 17. Из них один содержит так называемую старую запись (Т.—М. I. С. 61), остальные сделаны с устной передачи и находятся: Кир. III. С. 39 и 41; Р. 104; Г. 192; М. 12, 76; Ннз. 43, 44, 45; Тр. 30, 31, 32; Гр. 343, 385; С. 6. Обычное наименование устных вариантов: «Михайло Данилович», реже, «Данило Игнатъевич и его сын Михайло» или «Данило Игнатъевич с сыном». Старая запись (рукопись начала XVIII в.) озаглавлена: «Гисторія о кievском богатыре Михайле сыне Даниловиче двенатцати летъ». Этот древнейший из вариантов передает песню в прозаическом изложении с хорошо сохранным в большинстве случаев стихом.

¹¹ Там же. С. 715.

Среди вариантов «Гисторія» стояла особняком до находки в 1909 г. сходного с нею пересказа, значительно поддерживающего старую запись (С. 6). Оба они составляют, таким образом, первую редакцию, остальные — вторую.

В плане первой редакции намечаются три части: 1) Поход ордынского царя на стольный город, 2) Татарское побоище, 3) Опала над победителем-воеводой.

Содержание первой части.

1. К великому князю (Владимиру) на пир (с богатырями в Киеве) приходят вести через гонца («молодца из чиста поля»; у С. 6 — «Илью Муромца»), что из Большой орды поднялся царь татарский («Бахмет Тавруевич»; у С. 6 — «Бахмет и его сын Тавлет») к стольному городу («Киеву»; у С. 6 — «на поля Куликовы, на горы Баклановы»).

2. Гонец объявляет, что царь идет с братьями («Богатыри три брата братовичи»; С. 6 — «Збродовичи»), под каждым сила (три тысячи), с семью князьями (ширскими, с каждым по семи тысяч), сорока царевичами (с каждым по сорока тысяч), а всей силе татарской сметы нет. Хочет стольный город за щитом взять, князей-бояр под меч склонить, князя поневолить.

3. Великий князь заклучинился, испугался, стал просить богатырей взять из-под знамени татарского человека, который знал бы намерения царские (у С. 6 — «выехал бы богатырь на поле Куликово, переметил силу, привез человека из-под знамени»).

4. Богатыри хоронятся, выступает юный Михайло Данилович, вызывается исполнить поручение.

5. Великий князь вразумляет его: мал он, молод (двенадцати лет), в чистом поле не бывал, на крепком деле не стаивал (у С. 6 — «рано ему на коне сидеть, владеть оружием»).

6. Михайло отвечает: держи гоголя три года, потом пусти на воду, увидишь, сумеет ли плавать (у С. 6 — «выбери коней, старого и молодого, пусти на воду, молодой впереди поплывет»), так и в наше сердце богатырское. Князь соглашается, жалуется его и посылает.

7. Михайло седлает коня, одевает доспехи и едет в монастырь к отцу своему (Данилу Ивановичу) за благословением — ехать в поле, добывать человека, знающего замыслы царские.

8. Отец дает благословение на трудное дело: сам он бывал на многих побоищах, но из-под знамени не доставал таких людей (у С. 6 — «Бог тебе, чадо, подаст на помощь»).

Вторую часть некоторое время ведет одна старая запись (Т.—М.).

9. Получив благословение, Михайло выехал в поле. Посмотрел с шеломени, видит: в одну сторону сила-рать великая, в другую — еще больше, в третью — как вода сильная колеблется.

10. Смутился сначала, но размыслил: назад поехать, от князя кручина, от брата позор, а если вернется победителем с боя, от всех великая честь и хвала будет.

11. Призвав в молитве Бога на помощь, напустился на полки татарские, словно ясный сокол на стада галочки. Побил братьев братовичей, князей ширских, всех царевичей с силами («трое су-ток бился» — у С. 6).

12. Стали просить мурзы-улановья три дня сроку для отдыха. Согласился Михайло, ушел в шатер спать (у С. 6 — «Михайло просит дать отдых, удаляется с побоища и засыпает»).

13. Татары тем временем копают рвы, втыкают в них острые торчки, замаскировывают («делают мосты опрометные, покрыва-вая полстями ордынскими») (у С. 6 — «копают подкопы, вты-кают сабли, закрывают сукнами»).

14. Проснувшись, Михайло верхом напускается на полки татарские, три полка побил, но ввалился в подкоп, только конь выскочил (у С. 6 — «Михайлу прислуга сообщает о подкопах, предупреждает, чтобы не бил коня, когда тот станет третий под-коп перескакивать, но — расхотелись руки богатырские, хлест-нул коня и ввалился»).

15. В окопах повели его к царю татарскому. Тот стал просить — послужить ему верою и правдою, как служил вели-кому князю, за службу обещает дать треть царства.

16. Отвечает Михайло: рад служить своею саблею острою над твоею шеєю толстою. Царь приказывает снять с него буй-ную голову.

17. Обращается Михайло к мурзам-улановьям: беги подаль-ше, кто хочет жить подольше. Мурзы дивуются, как может ско-ванный пленник грозить им.

18. Не ясный сокол встрепенулся, оборвал Михайло желез-ные путы, стал бить—рубить. Обхватили было его, но он, вы-ломив ось из телеги, стал полки клонить, до царской ставки до-брался, уже по колени в крови бродит (у С. 6 — «Всех перебил, царю глаза выкопал»).

19. Взмолился царь: отпусти в Орду хоть сам-третья, оставь татар хоть на семена.

20. Михайло милует царя за то, что обещал ему долю в Большой орде. Царь с поклоном уезжает.

Третья часть.

21. С побоища вернулся Михайло в стольный город. Сыскался там лихой на него оговорщик, донес великому кня-зю, что Михайло ездил бражничать, а у царского дела не был (у С. 6 — «Сам великий князь не верит победе, сердится, что не привез „языка“ — человека из-под знамени»).

22. Рассердившись, приказал великий князь посадить Михайла в глубокую яму, вместо хлеба по овсяному снопу да-

вать на неделю за выслугу. Заперли темницу, поставили стражу. Тем временем великий князь приказал слуге верному (Илье Муромцу) проведать о побоище: если правду сказал, то выпустить из тюрьмы.

23. Долго (двенадцать дней) объезжал посол поле, где лежали трупы татарские: где пригор — тут по щеку коню крови, где привражие — по колени, где прибрег — по чрево. Такого побоища, доложил он князю — не видано.

24. Великий князь приказал немедленно освободить Михайла, предложил ему золотой казны, дорого платья, добрых коней (у С. 6 — «Хоть полцарства бери, а по смерти — все царство»).

25. Много твоего государственного жалованья, отвечает Михайло. Отпусти лучше к отцу в монастырь, там постригусь; у тебя лихи оговорщики, не дают служить верою-правдою (у С. 6 — «На приезде не употчивал, где потчивать по поездке»).

26. Михайло постригается (у «отца») и живет в монастыре в великой чести.

Со стороны композиции и содержания первая редакция по плану, подробностям повествования, даже отдельными выражениями стоит в близком отношении к книжной воинской повести. Можно было бы предположить, что эта близость стала следствием редакторской работы старой записи, чтобы придать ей характер книжного рассказа, однако близость эта поддерживается, с одной стороны, вариантом С. 6, с другой, вариантами второй редакции. Следовательно, композиционная особенность принадлежит основной песне.

Можно указать и на ее прямой источник. Среди книжных воинских повестей наиболее завершенным по художественности видом следует считать повести о Мамаевом побоище. Самым популярным из них было «Сказание» — большая историческая повесть, известная в огромном количестве списков и во многих редакциях. Повесть эта имело большое влияние на последующую книжную литературу, вошла в сказочные обработки.¹² По плану, формальным особенностям, совпадению ряда мест разбираемая редакция близка именно к этому «Сказанию», к его более поздним редакциям, возникшим в XVI в.¹³ Вариант С. 6 упоминанием о «Куликовском поле» еще более подчеркивает эту связь.

Для доказательства приведу параллели из «Сказания» соответственно намеченным выше частям плана песни.

1. К великому князю (Дмитрию Ивановичу) на пиру, в набережном терему, когда он поднимал заздравную чашу за своего брата (Владимира Андреевича) приходит гонец и говорит: «Нѣсть ти нынѣ время, княже, веселитися, нынѣ время есть Богу

¹² Такова в сборнике А. Н. Афанасьева сказка «О Мамае безбожном».

¹³ *Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

молитися <...> Идетъ на тя гордь царь». — У Т.—М. гонец говорит великому князю: «Пьешь ты и ешь и тешишься, а над собою, государь, кручины не ведаешь: идетъ из Большія орды царь...».

2. Татарский царь (Мамай), собирая войско, «многие орды» присовокупил себе, взял в союзники Ольгерда и Олега, желая идти походом так же, как когда-то Батый: убить великого князя, его жену и иных князей, осквернить монастыри, разграбить церкви, «а которые города ихъ красные его царскому величеству довлѣють, тут сѣсть и зажечь безмятежно». — В песне гонец рисует такие же перспективы.

3. Великий князь, узнав о нахождении «поганых» татар, пришел «в недоумение», заскорбел, стал советоваться с братом и другими князьями и воеводами, как отправить «твердую сторожу» — разумных и храбрых оружников в татарское Поле, до самой Орды — добывать «языков» со всяким усердием, «дабы истинну услышати царева хотѣнія». — Добывание языка, «который ведает думу царскую», лежит в основе песни. У Кир. III, с. 39, вариант второй редакции, сохранен даже книжный термин «язык»: «Я съезжу далече во чисто поле, попроведаю орды великие и привезу языка поганого», — говорит Михайло.

4—6 в песне заняты рассказом о выступлении юного Михайла. В поздней редакции «Сказания» находится вставной эпизод о посылке к Мамаю Захарии Тютчева. Им широко воспользовалась песня. «И потомъ князь великій нача избирати отъ двора своего юных етеровъ и избра юношу довольно суца умомъ, имянемъ Захарію Тушеева (Тютчева) и давъ ему два толмача<...> посла къ царю Мамаю». — Юный Михайло, гиперболически представленный вовсе малолетком, своим остроумным ответом также определяет себя неглупым.

7—8. В «Сказании» великий князь, собрав полки, отправляется с братом и другими князьями в монастырь к «отцу своему», игумену Сергию, за благословением. Сергей удерживает его и за трапезой тайно сообщает о грядущей победе. Великий князь «Сказанием» определяется вообще как «смирennemудрый», во все критические минуты прибегающий к молитве и помощи «отцов своих» духовных. Поездка Михаила к «своему отцу» является буквально понятым соответствующим местом «Сказания». Песня сохранила мотив благословения и наставления «отца». «Богатырство» отца Данилы может быть поставлено в связь с тем, что Сергей в «Сказании» дает великому князю двух иноков-богатырей, Пересвета и Ослябу.

9. Великий князь со свитой, выехав на возвышенное место, обозревает русскую силу: «Богатырей русскихъ хоругви тихо трепещут, аки живи пашутца, щиты <...> и доспѣхи русскихъ сыновъ, аки вода вѣтромъ колыбашеся». — «Аки вода сильная колыбашеся» перед Михайлом, когда он смотрит на татар

«с еломени» — с высокого места. Здесь сходство даже текстуально.

10. «Советники» предлагают великому князю переправиться с войском через Дон для битвы: тогда никого не будет, кто бы вспять умыслил; если победим, все спасемся, умрем — общую смерть со славой примем. — Михайло, размышляющий о чести и славе в случае победы, близок к книжной мотивировке.

11. Когда пришло время скрытому в дубраве засадному полку ударить на татар, князь Владимир Андреевич, по молитве, отдал приказ наступления: «богатыри руския вы́хаша из дубравы зеленыя, аки соколы ударишася на многие жеравлиные стада». Михайло напускается, «как ясен сокол на стада галочки».

12—14 принадлежат всецело песне. Здесь разработан мотив богатырского сна, во время которого роются предательские волчьи ямы, губельные для героя. Мотив повторен в песне об Илье Муромце и Ермаке.

15—16 продолжают эпизод о Захарии Тютчеве. Мамай, пораженный полными достоинства и бесстрашными ответами юного посла, «за красоту и премудрость» предлагает перейти к нему на службу, обещая великие милости. Захария хитро отвечает: не подобает послу переходить на другую службу, не доправив посольства. Вернусь, сложу присягу, честно откажусь от службы, тогда приду к тебе, тогда и перед тобой окажусь правдивым. Царь отпустил его с отборным отрядом. Встретив своих у границы, Захария перебил татар, разорвал грамоту царскую и оставшегося в живых единого татарина отправил к Мамаю, поручая передать: рад я тебе, царь, служить «своею саблею острою над твоею шеєю толстою». Популярность этого эпизода доказывается тем, что он лег в основу сказки о Мамае безбожном, герой которой — Захария Тютрин. — Песня воспользовалась всей ситуацией и сохранила образный ответ героя татарскому царю.¹⁴

¹⁴ Любопытно, что понятие служебной чести, обязывающей доводить до конца присягу, повторено в донесении нунция Викентия Лаурео из Варшавы 21 октября 1577 г.: «Не упускаю случая сообщить хоть кое-какие известия о характере московского царя, о чем мне писал Фабриций Аяцца из Верчелли, рыцарь Мальтийского ордена, который состоя комендантом одной из крепостей в Ливонии, вследствие недостаточного числа солдат и вынуждаемый жителями этого города, не мог устоять и сдался. Царь весьма настойчиво требовал, чтоб он согласился поступить к нему на службу, обещая ему свободу, хорошее и подобное с ним обращение, но рыцарь извинялся, что *честь* не позволяет ему сделать этого, и что он прежде должен возвратиться к королю и *дать ему отчет в своих действиях*, ибо в противном случае его объявили бы изменником. Царь сказал ему: „Так вот, чтобы ты знал, что я христианский государь, даю тебе свободу“ и приказал проводить его к границам Литвы, но окружающую, а не прямой дорогой» (см.: *Вержбовский Ф.* Отношения России и Польши // *Журнал Министерства народного просвещения.* СПб., 1882. № 8. С. 208—242).

17—18. Во время побоища кровь лилась рекою, сливаясь в озера, посекаемые татары «клонились» словно лес. — Михайло, «клоня» полки татарские, бродит конем по колени в крови и глубже. «Кровавые озера» нашел объезжавший поле Илья Муромец.

19—20. Мамай, видя полное поражение, воскликнул: «Побегнем, ничто же бо намь добра чаяти, но себя упасем і головы своя унесемь». И побежал с четырьмя татарами. — В песне царь просит, чтобы «хоть сам-третья» отпустил его Михайло.

Третья часть к «Сказанию» отношения не имеет. В песню взяты, следовательно, те части повести, где говорится о приходе татар и победоносном бою с ними.

Зависимость композиции песни от книжной повести очевидна.

Вторая редакция изменяет содержание сравнительно с первой. Всего дальше она отстоит от нее в первой и третьей частях. Вторая часть ее, имеющая темой побоище Михайла с татарами, не только повторяет изложение, но и дополняет многие детали.

Если первая редакция кратко упомянула об «отце» Михайла, то вторая усиленно занялась этим персонажем. Все ее варианты начинаются особым рассказом о Даниле Игнатьевиче, за исключением Ннз. 45, где он все же вставлен между 48—74 стихами. Содержание вступления таково.

На пиру у князя (обычно — Владимира, но у Г.—192 Владимир двоится с «Грозным царем Иваном Васильевичем»), когда богатыри порасхвастались, печален сидит старый Данило Игнатьевич (у Ннз. 44 — «Игнатий Данилович»). На обычный вопрос, отчего он пригорюнился, Данило начинает проситься в монастырь постричься: «Стар стал, не могу богатырствовать» («Служил я пятьдесят годов, убил пятьдесят царев, теперь мне девяносто лет», — поясняет Кир. III, с. 41). — Что же тогда скажут орды неверные, спрашивает великий князь, когда узнают, что на Руси богатыри в монахи идут? — Данило указывает на своего сына: он еще малолеток, но к тому времени, как враги начнут в поход собираться, подрастет, сумеет стать защитой. — Этот распростираный эпизод — результат позднейшего стремления растолковать ставшую непонятной поездку героя в монастырь «к отцу».

Роль отца, видимо, нравилась, и варианты на разные лады заставляли его действовать. У М. 12, Ннз. 42, 43 и Гр. 30 — Данило предостерегает сына от роковых подкопов и наставляет, как вести себя — подробности лишние, так как в дальнейшем будут повторены. Само пленение героя объясняется иногда тем, что сын был недостаточно почтителен к отцу: отказался от благословения (Гр. 385), пренебрег советами (Ннз. 45). У М. 12 отец спасает сына от подкопа, Михайло просит прощенья, что не внял его советам. В этом варианте и у Ннз. 45 вся честь побиения татар принадлежит, собственно, Данилу.

В вариантах Р. 104, Кир. III, с. 41, Ннз. 43, Тр. 30, 31, 32 и Гр. 343, 385 введен эпизод розысков убитого героя среди горы трупов: думая, что Михайло погиб, отец ищет его по полю; при этом сын не узнает отца, неузнавание приводит к столкновению отца с сыном, но без трагической развязки. Все это — результат поздних привнесений, причем розыск на поле приводит снова к «Сказанию» о Мамаевом побоище, где свита ищет раненого великого князя.

Эпизод с отцом — первый отличительный признак второй редакции. Следующим служит *выделение роли богатырского коня*. Несомненно, что падение Михайла в волчью яму на всем скаку и его пленение производило большой эффект у слушателей. В трагическом случае с героем играет немалую роль конь его, которому удастся выскочить. Уже вариант первой редакции С. 6 немного задерживает внимание, говоря, что напрасно расходившийся богатырь понукал своего верного товарища. Варианты второй редакции создают целый эпизод с конем на основании сказочного материала. Конь Михайла, подобно всем сказочным коням, был взят еще жеребенком, выкатан в росе, выпоен особым пойлом (Р. 104), у него было даже свое имя — «Голубанушко» (Ннз. 42). Подобно сказочному «коню выручалу», «Сивке-бурке», конь Михайла прозорлив и обладает даром речи. Когда герой спрашивает, почему конь опечалился, тот отвечает: велика сила татарская, не перескочить ему третьего подкопа (Г. 192). Иначе: когда герой напустился на татар, конь стал просить не бить его, дать оглядеться, дух перевести; ездок не слушается, ударяет и попадает в подкоп (Р. 104, Г. 192, Ннз. 43, Гр. 343, 385). Вариации идут дальше: у Тр. 31 конь сам сбрасывает Михайла в яму; у Кир. III, с. 39 спасшийся конь скачет в монастырь с вестью о пленении героя. Роль коня нравилась не меньше, чем роль Данила: в вариантах можно найти и другие подробности, изложенные наивно и угловато.

Эпизоды с отцом Михайла и с конем, заняв главное внимание передатчиков песен, повлияли на то, что центральная часть — поход и побоище — были сокращены. Все же варианты второй редакции в этих местах целиком поддерживают первую.

Третьей части первой редакции, где разрабатывается эпизод неучествования победителя, во второй редакции нет. Ее исходом служит прославление героя (кроме Ннз. 45, где Михайло умирает). Опущена, таким образом, основная идея произведения — иллюстрация несправедливого отношения суверена, опирающегося на клеветников, к ближайшему помощнику, «богатырю», одерживающему для него победу над врагами, опущено также изображение личности «великого князя» с отрицательной стороны. Вторая редакция сохранила лишь пластическое изображение битвы с татарами без всякого отношения к чему-либо и до-

полнила содержание усилением показных эффектов невысокой художественной ценности, ставших результатом или наивного домысла (Данило) или заимствования из сказок (конь). Ясно, что эта редакция — переработка предыдущей, сделанной в другой среде — в среде мелкобуржуазного посадского населения, с целью дать простое занимательное произведение с опорой на центральную личность князя.

Первая редакция, таким образом, становится ближайшей к основной песне. Замысел последней состоял в том, что герой, не без некоторого недоверия к нему со стороны «великого князя», отправляется на трудное военное дело и выходит из него победителем. По возвращении вместо награды его ждет опала, как след клеветы со стороны темного окружения властелина. Истина тем не менее открывается: опала снята, победителю сулят всяческие награды, но поздно. Неучествовавший герой не считает возможным оставаться слугой неверному и жесткому господину, склонному к наветам, и удаляется в монастырь. Этот уход Михаила из мира менее драматичен, чем Сухана, героя другой песни на ту же тему.

2. Песня о Сухане Домантьевиче

В старой записи «Сказание о походе русских богатырей на Царьград» (Ннз., с. 279), у Кирши, 153, и у Р. 184 среди русских богатырей упоминается «Сухан Домантьевич», но особого повествования о нем нет. Вариантов самой песни о Сухане — пять: Г. 63, Р. 148, Т.—М. 54, М. 11 и Гр. 332. Многое в них забыто или непонятно. Порча прежде всего коснулась имени: «Сухан». Очень распространенное в XVI—XVII в., имя это, отмеченное вариантами старой записи у Кирши (древнейшими), превратилось в Сухмана, Сухмантия, Сухматия; из отчества «Домантьевич» вышло: «Долмантьевич», «Одихмантьевич», «Замантьевич».

Старины делятся на две редакции. Вторая представлена единственным вариантом Т.—М. 54, записанным в Сибири, на Сузунском заводе.

Лучшим вариантом первой редакции можно считать Р. 148. В нем отчетливее сохранено деление песни на части; их — три. Первая начинается обычным пиром у великого князя Владимира, на котором герой сидит молчаливым. На вопрос великого князя, отчего он пригорюнился, или его обидели, Сухмантий Одихмантьевич вызывается привезти Владимиру живьем «лебедь белую».

Вторая часть начинается с описания выезда героя за «лебедью». Охота неудачна, нигде нет птицы. Сухмантий призадумался: нет добычи, нет и выслуги —

61. Как поехать мне ко славному ко городу ко Киеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру.
Поехать мне, живу не бывать.

Богатырь едет к «Непре-реке». Видит, что течет она не постарому — «вода с песком помутилася». Непра рассказывает о находе несметной силы татарской, мостящей мосты для переправы:

81. Днем мостят, а ночью я повырою,
Из сил матушка Непра-река повыбилась!

Сухмантий вырывает дуб с корнем, напускается на силу и всех побивает; лишь трое татар укрылись в приречных ракидах. Они подстерегли возвращавшегося с побоища богатыря и пустили в него по стреле. Сухмантий выдернул стрелы, покрыл кровоточащие раны «маковыми листочками» и убил татар.

В третьей части Сухмантий возвращается в Киев, где Владимир ждет не дождется «белой лебеди». Богатырь объясняет, что ему было не до «лебедушки» — он победил идущих на Киев врагов. Вместо благодарности великий князь отдает приказ — засадить героя в глубокий погреб, а для проверки его показаний отправить Добрыню. Тот докладывает, что «правдой хвастал» богатырь и в доказательство привез окровавленную «дубиночку» Сухмантия. Князь спешит освободить победителя, обещает «миловать-жаловать» городами, селами, бессчетной золотой казной. Сухмантий с обидой отвечает, что жаловать надо вовремя, выдергивает из ран листочки, кровь льется ручьем, и герой умирает, приговаривая:

196. Потеки Сухман река
От моя от крови от горячия,
От горячия крови, от напрасныя!

Остальные варианты — худшей сохранности. Г. 63 забыл упомянуть о поранении богатыря и унятия крови листочками. Желая восполнить пропуск, сказатель, нескладно и некстати, заставил скрывшихся татар встретиться с Ильей Муромцем и вступить с ним в разговор. При этом весь этот вставочный эпизод (стихи 116—151) стал буквальным повторением встречи Ильи Муромца с Идолищем, т. е. взят из другого сюжета.

В остальном вариант этот не только поддерживает предыдущий, но дает разработку отрицательных черт великого князя. Последний так встречает Сухмана:

72. Ездил ты да трое сутокки.
Привез ты ко мне нынь лебедушку,
Обещался кою да живьем в руки,
А ни серого ни малого утеньша!

Опалу на героя в значительной степени вызывает оговор лиц, окружавших князя:

88. Ах ты, Владимир столен киевской!
Не над нами Сухан насмехается,
Над тобой Сухан нарыгается,
Над тобой ли ныне как Владимир князь!

Из остальных вариантов следует отметить М. 11. Необычайно многословный, с лишними повторениями, со склонностью, так сказать, растолковать сюжет, он интересовался речью, с которой раненый Сухмантий обращается к своему коню:

160. Уж ты конь, ты все конь, моя лошадь добрая!
Ты не стой, не плачь у тела богатырского,
Ты поди-ко се, беги да куды хошь поди,
Во луга ступай, поди да во зеленые,
Ты питайсе-ко все травой шелковою,
Ходи пей-ко се ключеву ту съезжу воду.

Что касается второй редакции, то процесс образования ее совершенно аналогичен таковому песни о Михаиле Даниловиче. Вторая редакция разрабатывает лишь первый момент повествования, внешняя красочность которого легко удерживалась в памяти, и *опускает второй* — недоверие и опалу, вызвавшие обиду и смерть героя. Классовое происхождение второй редакции такое же, как и предыдущей: оно вызвано опусканием переработки в низшие слои населения, где песня стала служить в качестве просто занимательного и благонамеренного рассказа.

Разработка первой части второй редакции интересна. Рассказ начинается прямо с картины охоты. Суханьше Замантьеву случилось доехать «до быстра Днепра». Река разгулялась, как в половодье, несет лес и коней «со всей приправой молодецкою». Днепр сообщает о несметной силе «Мамаея безбожного», который идет на Киев, «на дом пресвятыя Богородицы». Сила такова:

23. Черному ворону в ночь силы не скаркати,
Серому волку в ночь не обрыскати,
Доброму молодцу в день не объехати.

Суханьша бьется «трое суток»:

33. Навалит трупов коню до стремени,
Горячей крови до подчереза,
В трупах конь не может поскакивати,
Горячей крови прорыскивати.

Сам герой ранен, получил много ударов и среди них три кровавых сердечных раны. Тогда он удалился с побоища

43. На то болото зыбучее,
Ко той кочке болотинной,
Клал седельшко черкасское
На ту кочку болотную,
Под облако поплавучее,
И клал свою буйну голову
На седельшко на черкасское.

В таком положении находит его «Владимир». Узнав Суханьшу, соскакивает с коня и ведет героя в Киев, где тот умирает.

Если постройка песни о Михаиле Даниловиче основана на материале «Сказания» о Мамаевом побоище, то и песнь о Сухане зависит от него же.

Татарская сила, идущая на «стольный город и дом пресвятой Богородицы», названа «силой Мамаея безбожного». Эпитет и имя татарского царя напоминает сказку о Мамае безбожном, а причетъ (в варианте М. 11) раненого Сухана коню буквально повторяет сказочную: «Законался он своему коню: Побегай, мой добрый конь, в чистые поля, в широкие луга, ешь шелковку траву, пей свежую воду; не достанься мой добрый конь поганому Мамаю безбожному...».

Образ выступившей из берегов, как в половодье, реки, вода которой взмутилась от перехода огромной рати, соответствует формулам, находящимся в разных видах повестей о Мамаевом побоище, как в «Сказании», так и в «Поведании», написанном в подражание «Слову о полку Игореве»: — «Поле же Куликово прегыбающесея, вострепеташа лузи и болота, рѣки же и озера изъ мѣсть своихъ выступиша». «Тутошніа рѣки мутно пошли, вострепеташа лузи и болота, езера выступиша изъ мѣсть своихъ» (в разных списках «Поведания»). «Рѣки же выступаху изъ мѣсть своихъ, яко николи же быти толикимъ людемъ на мѣстѣ томъ». «Рѣка Непрядна аки весною разлися» («Сказание»). Образ помутневшей «Непры» принадлежит только песне о Сухане; формулы выходящих из берегов рек встречаются только в повестях о Мамаевом побоище. Это бросающееся в глаза совпадение дало возможность Б. М. Соколову помутившуюся и разлившуюся «Непру реку» сопоставить с рекой Непрядвой, на берегах которой и произошло памятное «Мамаево побоище» — Куликовская битва. Фонетически слово «Непра» развилось из названия «Непрядва».¹⁵

В кровопролитном бою Сухана с татарами трупы доходят до стремени, конь по брюхо в крови ходит, не может перескочить

¹⁵ Соколов Б. М. Непра-река в русском эпосе // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности имп. Академии наук (далее — ИОРЯС). СПб., 1912. Кн. 3. С. 198—214. На эту статью был написан С. Рожнецким «Ответ г. Б. Соколову» (ИОРЯС. 1914. Кн. 1. С. 345—349), не соглашающийся с выводами Б. М. Соколова (и моими). Но он более чем неубедителен.

горы трупов и реки крови (вторая редакция). В «Поведании» горы трупов приравнены к «сенным стогам», и кони «в крови по колени бродят». В «Сказании» «через трупы борзь конь не может скочити, а въ крови по колѣни бродяху».

В «Сказании» находится эпизод о раненом великом князе. Когда настало время начать битву, Дмитрий Донской облекся в простые доспехи и стал в ряды бойцов. Во время боя он был ранен «тремя татарами» и, изнемогая от ран, вышел из ряда сражающихся — «нужею склонился с побоища». По окончании битвы по полю рассыпались воины искать великого князя. Долго искали, наконец, удалось найти его вдали от побоища «подъ сѣченымъ деревомъ березою», раненого, но живого. Сухан был ранен также «тремя татарами» и «склонился» с побоища в «уединенное место», где и был найден изнемогающим от ран.

Во второй редакции Сухана нашел «князь Владимир» и приветствовал; Дмитрия Донского приказал искать и приветствовал с победой брат его, «князь Владимир Андреевич».

Наконец, Сухан умирает потому, что из него льется «река крови». В «Сказании»: «сильни полки съступишася, изъ нихъ же вытекають кровавые ручьи». «Льющимся кровемъ, аки рѣчнымъ быстринамъ на всѣ страны».

Во вступлении к первой редакции есть одна лишняя и неорганичная подробность, отсутствующая во второй: вызов Сухана привезти с охоты великому князю лебедь «живьем в руки». Сухан выехал, однако, не на обыкновенную охоту. «Поймать лебедь» на эпическом языке обозначает «найти жену, невесту». В старине о Даниле Ловчанине Илья Муромец укоряет Владимира, отнимающего жену от живого мужа, такими словами: «Изведешь ты ясного сокола, не пымать тебе белой лебеди». Сухан, стало быть, поехал за невестой; оттого Владимир так нетерпеливо ждет его и сердится, что тот приехал с пустыми руками. Облик Сухана-свата не имеет никакого отношения к разбираемой песне и зашел из песен о Дунае — специальном свате Владимира. Здесь — результат порчи песни сказателями, вероятно, под влиянием близкого совпадения исходов обеих песен: Дунай, как и Сухан, умирает, истекая кровью, с таким же приговором.

Старины о Сухане были предметом разбора.¹⁶ Оба исследователя, по создавшемуся трафарету, обращались за параллелями к средневековью и сближали Сухана с летописным богатырем XII в. Демьяном Куденевичем. Несмотря на ряд натяжек, производимых или осторожно (Халанский) или в высшей мере утвердительно (Якуб), никакого сходства ни в положениях, ни в мотивировке не получилось. Ближе к истине стоял мифолог

¹⁶ *Халанский М. Г.* Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885. Гл. 5; *Якуб А. С.* К былине о Сухмане // Этнографическое обозрение. М., 1904. № 1. С. 43—66.

О. Ф. Миллер, который считал песню о Сухане «переработанной» в XVI в. настолько, что «Владимир» в ней — московский царь Иван Грозный со всеми его атрибутами, выразившимися в беспрекословном подчинении «верных слуг», одинаково раболепно исполняющих приказы о заключении в тюрьму и об освобождении, — черты холопства и опричнины. В способе награждения «пригородами и пригородками» О. Миллер усматривал начало поместной раздачи. «Грозный» князь Владимир, по его мнению, похож на исторического Грозного и своей подозрительностью: молчаливость Сухана на пиру он расценивает как злую на себя думу.¹⁷

Больше того: О. Ф. Миллеру все «положение» в старине о Сухане напомнило «ту пору, когда спаситель Руси от крымских татар, князь Михаил Иванович Воротынский, был изжарен на углях Иваном Грозным». Исследователь, однако, не развил эту вкратце выраженную мысль, так как, будучи наиболее крайним выразителем методов мифологической школы, он больше интересовался «основой» песни, чем ее «наслоениями».

В обеих разобранных песнях, действительно, распущен мотив опалы. В царствование Ивана Грозного таких случаев было более чем достаточно. Им дана общая оценка убежденным феодалом, крупным противником царя, князем Андреем Михайловичем Курбским. В своей «Истории» он пишет: «Побіени жъ отъ него стратилаты, або ротмистры мнози, *мужіе храбрые и искусные въ военныхъ вещахъ...*» (следуют имена). «Такожде и отъ рязанскія шляхты благородныхъ мужей, зацныхъ въ родѣхъ, мужественныхъ же и храбрыхъ и славными заслугами украшенныхъ, Данила Чулкова и *другихъ нѣкоторыхъ искусныхъ поляницъ* и воеводителей, вкратце же рещи — *погубниковъ басурманскихъ, а оборонителей крайнѣ христіанскихъ*, и ротмистра нарочитаго въ мужествѣ Феодора Булгакова с братіями ихъ и со другими многими иноплеменными всеродне погублено». Курбский подчеркнул жестокою неблагодарность царя в отношении своих, как выражается он эпическим языком, — «поляницъ», обороняющих украинны от татар, в татарском Поле.

Ближайшее отношение к песням о Михаиле и Сухане имеет передаваемый Курбским рассказ о князе Михаиле Воротынском, которого вскользь коснулся О. Ф. Миллер. Перекопский царь со всей силой пошел на Русь, собираясь предать ее разорению. Грозный бежал в Новгород, где пировал на свадьбе у своего шурина Колтовского, а землю оборонять приказал князю Воротынскому. Крепкий и мужественный воевода начал великую битву «съ тѣмъ такъ сильнымъ звѣремъ бусурманскимъ». Бой длился несколько дней, кончился полнейшим разгромом

¹⁷ Миллер О. Ф. Илья Муромец... С. 619.

татар и пленением знатных вельмож. Добытые трофеи победитель отправил к тому «хоронякѣ и бѣгуну», «который храбрится лишь с теми, кто ему не противится». «Что же воздашь за сію ему службу?», спрашивает Курбский. Подыскав лжесвидетеля, царь, по его навету, предал героя лютому мучению, а потом повелел отвезти «въ темницу на Бѣлое озеро», но князь умер. И вот — «за оную пресвѣтлую побѣду надъ бусурманы, ее же произвелъ еси и поставилъ мужествомъ храбрости своея <...> сподобился еси мзду премногую получитьи, еже пострадалъ еси неповиннѣ отъ онаго кровопійцы».

Схема этого рассказа — приход великой татарской силы — обещание хана разорить землю — великая битва — полнейший разгром татар — наветы на победителя — отсылка в темницу — смерть — рассказа, показательно рисующего расправу царя с феодалом, могла дать материал для песенных композиций, намеренно затушевывавших подлинные взаимоотношения действующих лиц.

В своем разборе «Песни об отбитом наезде»¹⁸ я высказывал предположение, что о князе Михаиле Ивановиче Воротынском ходили песни. Отражение их я усматривал в некоторых вариантах старин о Кострюке, в песне, записанной для Ричарда Джеймса и в вариантах песни «Царь в Серпухове». В них говорится о событии 1572 г. — победе Воротынского над татарами. Джемсова песня стоит в близком отношении с книжной «Повестью о бое московских воевод с неверным ханом», где сказано, что со стороны татар пали в числе прочих сын и внук царя и «князья Ширинские». В песне о Михаиле царь показан идущим на Русь с «князьями Ширскими». В других песнях татарского цикла в свите царевой в числе убитых всегда упоминаются: сын, зять, племянник. Крымский царь джемсовой песни бежит не путем, не дорогой, «не по знамени не по черному». «Черное знамя» упоминается в песне о Михаиле: «Буде ты, чадо мое милое, едешь неволею, и ты добивайся до знамени черного, а буди ты, чадо мое, едешь волею, и ты добивайся до знамени последнего и ни на кого не надейся». Наконец, — совпадение имени: «Михайло» показывает сеть взаимоотношений ходивших про этого героя песен. Из-за «цензурных» условий песни про опального феодала распространяться с сохранением исторических подробностей, естественно не могли. Сохранились, и то в незначительном количестве вариантов, только такие композиции, где действительность излагалась в намеренном претворении, и такие, которые были переделаны в простое занимательное повествование, что проделано их вторыми редакциями.

¹⁸ Шамбинаго С. К. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914. С. 74—97.

3. Песня про Мамаево побоище

«Мамаево (испорченное «Маево») побоище» — это заглавие двух вариантов этой песни: О. 26 и Гр. III, 44; 5 озаглавлены «Камское побоище» — М. 81, 94, 104; Гр. III, 90, 111; вариант Т.—М. 8 называется: Илья Муромец и Мамай, вариант Гр. 1, 75: «Илья Муромец освобождает Киев от Калина царя». Все эти записи — позднего времени. Наиболее ранняя — Кир. 1, с. 58. Заглавия у нее нет; содержание таково.

1. У великого князя Владимира собрались князья, бояре и богатыри «думу думать»: на Киев наступает с несметной силой царь Мамай. Одни предлагают — «возвести стену белокаменную, желтым песком засыпать» (т. е. выдержать осаду), Илья Муромец — послать гонца, попросить сроку на три месяца,

19. Чтобы силой нам поисправиться,
А могучим богатырям посьехатися.
Есть на поле на Куликове,
Есть у нас тридевять богатырей.

2. Великокняжеский гонец приезжает к Мамаю, передает просьбу. Мамай издевается: дай вам три года, и то не исправитесь (т. е. не соберете войска),

39. А силы у меня припасенныя —
Сколько в лесе лесу, на лесу листу...

еще — девять зятьев, под каждым войско. Однако дает отсрочку.

3. Владимир посылает Илью Муромца за богатырями на Куликово поле. Там находятся: «Алеша Попович, Самсон, Святогор, Дон Иванович, Иван Колыванович». Они заывают посла в шатер, поят вином, Илья засыпает. Тщетно ждет его великий князь, наконец посылает «молодого» Ермака Тимофеевича, племянника Ильи. Его также приглашают на угощение, но Ермак отказывается: зачем тогда приезжать было. Поворотив коня, уезжает обратно.

4. По дороге видит, что к Киеву не подступишься: окружила его «чужа сила». Пробует Ермак «сметить» ее с пригорка, но невозможно — видимо-невидимо. Напустился богатырь на силу, бился с ней двенадцать дней, а ее все как будто не убывает. Из сил выбился.

5. Тем временем подоспели тридцать богатырей с Ильей Муромцем. Отослав Ермака отдыхать, Илья распределяет свою силу:

182. Которых слал от синя моря,
Которых слал от чиста поля,
А которых слал от Почап реки.

Богатыри побили всю силу татарскую, поехали на гору, где спал Ермак, и с победой вернулись в Киев. Владимир чествует их пиром.

6. Не ужились богатыри в Киеве: их ухваток народу не вытерпеть. Великий князь с честью отпустил их обратно в шатры.

7. Приезжает к ним, на Куликово поле, «бабища Мамаишна», исполин татарский:

227. Головище у бабы с дощанище,
А глазища-то с пивны корцы,

и вызывает богатырей на единоборство за то, что убили «ее царя Мамаю».

8. Против нее выступает Ермак, долго бились, одолела бабища. Ермаку совсем было бы плохо, если бы не совет Ильи: ухватить за груди и бить о землю. Одолел Ермак, начали пировать.

К этой старине подходит вариант Т.—М. 8, озаглавленный «Илья Муромец и Мамай». Он дает некоторые добавления и расширения к указанным частям схемы:

К 1. Разработана картина Мамаева похода —

4. Из-за той же сторонюшки восточныя
Не темная туча поднималася:
С силой Мамай снаряжается
На тот же на крашен Киев град,
И хочет крашен Киев в полон взять.
И брал он себе силы много множество:
Сорок царей и сорок царевичей,
Сорок королей и сорок королевичей,
И за всяким визирем по сту тысячей,
Да брал своего зятя любимого,
Своего Василия прекрасного.
И брал за им силы — войска триста тысячей,
А за самим за собой войска счету не было...

Земля трясется от множества воинов, от пару кониноного не видать солнца и месяца.

К 2 прибавлено: до Мамаю дошли вести, что из Киева все богатыри разъехались. Не доходя до города, Мамай раскинул шатры, велел зятю составить ярлык и везти к Владимиру. Грозный посол предъявил посланье:

90. Не спущу из Киева ни старого ни малого,
А самого Владимира буду тянуть очи косицами,
А язык-то теменем, с живого кожу драть буду,
А княгинюшку Апраксию возьму за Василия прекрасного.

Подоспевший в Киев Илья видит, как «умывается слезами» великий князь.

К 3. Имен богатырей гораздо больше. Роль Ермака исключена в варианте. Илья предлагает богатырям постоять «за веру христианскую, храмы, монастыри». Богатыри головы выступить и просят князя послать «во чисто поле вина и хлеба»: приедем живы — позабудемся,

155. А не приедем из того побоища Мамаева,
Похорони наши тела мертвые
И помяни русских богатырей.

К 5. Илья думает, с какого конца бить начать. Он наказывает богатырям быть готовыми на третьи сутки, по знаку:

193. Как зазвонит палица боевая,
И зачивкает моя сабля острая,
И затрублю я во турий рог.

Илья пробивается до самого шатра Мамаева. Встреча его с Мамаем (стихи 202—260) повторяет встречу Ильи Муромца с Идолищем. У Мамая в стане находится похожий на Идолище богатырь «Рославней Рославнеевич». Этот «Рославней», как и «бабища Мамаишна», — какие-то вариации непонятного места, бывшего в основной песне.

Вариант этот имеет заключение, отсутствующее в предыдущем. «Два суздальца», оставшиеся в лагере для встречи богатырей победителей, не утерпели, выехали на побоище и похвалились: «Кабы была небесная сила, и ту бы побили». И сделалось «чудо великое»: встала побитая Мамаева сила впятеро больше. Чем больше бьют богатыри, тем прибывает сила. Возмолился Илья за прегрешения, и — повалились сила:

311. И начали копать мать сыру землю
И хоронить тела во сыру землю,
И протекала река кровью горячею...

Богатыри с побоища поехали «в монастыри — пещеры киевски», где «представились».

Вариант О. 26 озаглавлен «Маево побоище» (испорчено из «Мамаево побоище») — названием, взятым из заключительных стихов старины:

388. Тут тогда это стало покоище
Кабы Маево стало побоище.

Вариант снова сплошь проникнут влиянием песни об Илье Муромце и Идолище потому, что смутная роль «бабищи Мамаишны» и «Рославнея» возложена в нем на грозного посла татарского, который сначала называется «Тугарище-югарище

поганое» и описывается чертами Тугарина, а в дальнейшем носит имя «Идолище». За исключением этого лишнего вплетения вариант поддерживает предыдущие, кое-что выражая лучше, например уряжение полков Ильею Муромцем:

327. Уж вы ой еси руськи богатыри!
Вы иной едьте по праву руку,
Вы иной едьте по леву руку,
Сам я еду середкой, самой матицей.

«Суздальцев» заменили «Братья Долгополые». Хвастовство их выражено обстоятельнее: если бы кольцо в земле было, всю землю бы повернули, если бы на небо была лестница, пересекли бы силу небесную. — За эту похвальбу они «окаменели».

Термин «Мамаево побоище» поддерживает еще Гр. III, 44. Вариант этот, по-видимому, восходит к предыдущим, но сказатель (Поташев), 84-летний старик, дряхлый, многое забыл, и настолько в день пения был болен, «что прямо жаль было заставлять его петь», замечает собиратель. Отсюда — текст скомкан, не окончен (нет похвальбы).

Варианты, озаглавленные «Камское побоище», как записи позднейшие, отмечены всеми недостатками современного состояния эпоса: утратой подробностей основного содержания и ненужными распространениями за счет общеэпического запаса (песен и сказок). В них продолжается влияние старин об Илье и Идолище и заметен большой уклон к родственным песням об Илье Муромце и Калине.

Все они начинаются формулой о нахождении на Русь огромной силы (цари — короли — зять), охотно варьируют имена богатырей на «Куликовом поле». Предложение последних угостить Ильею и посланного за ними молодого Ермака (имя в большинстве случаев меняется, не раз встречается «молодой Михайло») вином и просьба богатырей принять их после битвы с угощением — эти варианты охотно разрабатывались сказателями, привлекавшими материал из старин о Василии Пьянице. Поэтому все варианты полны упоминаниями о пирах, попойках, сне после пьянства.

В варианте М. 84 лицом, въехавшим на высокое место, чтобы обозреть силу татарскую, назван «Пересмет». Он докладывает: велика сила, «как вешняя вода разливается, мать-земля колыбается» — пример продолжавшегося влияния песни о Михаиле Даниловиче. Гр. III, 90 начал было правильно этот эпизод, говоря, что богатыри поехали «на шеломя окатисто», но, оказывается, не за тем, чтобы смечать силу татарскую, но на «попойку великую», три дня гуляли.

За исключением варианта Кир. I, с. 58, остальные, как сказано, все — записи позднейшие. Отсюда общее впечатление от содержания создается малоустойчивым и пестрым. Даже наибо-

лее стройные по выполнению старины (напр., Гр. I, 75 — лучшей сказательницы Кривополеновой) не свободны от заимствования мотивов их других песен, хотя бы того же татарского цикла.

Особенной лоскутностью отличаются песни о Камском побоище, очень мало привносящие в содержание основной песни. Они показывают, каким сложным перекрестным влиянием подвергаются современные варианты ввиду наслонения на них подробностей, вытекающих из случайного параллелизма.

В описании прихода татар и победоносной борьбы с ними песня о Мамаевом побоище чрезвычайно близка к песням о Михаиле и Сухане. Так как для последних, в отношении постройки, была указана тесная связь со «Сказанием» о Мамаевом побоище, то с этим памятником должна быть сопоставлена и разбираемая песня, тем более, что термин «Мамай», «Мамаево побоище», «Куликово поле» для нее органичны.

Для сравнения я воспользуюсь списком «Сказания», принадлежащим собранию гр. Уварова,¹⁹ причем буду придерживаться изложенной выше схемы.

1. *Мамай едет с громадным войском на Русь.* Песенные варианты согласно останавливаются на указаниях, с кем едет царь, сколько под каждым силой, с каких сторон она идет. В повести: Мамай собрался «з девятию ордами и семюдесять князи, а идет двенадцетью дорогами».

2. *Посылает ярлык великому князю.* Песенное содержание ярлыка — грозно: Русь ожидает конечная гибель, судьба княжеской четы ужасна. Мамай в «Сказании» говорит вельможам, что он подвергнет страну разорению, «убию князя их і жену его и приведу всу Рус под свою руку». Так он пишет в ярлыке.

3. *Великий князь скорбит и отправляет гонцов смягчать татар.* Песенный гонец — юный. Текст повести: «Слышавъ же то, князь великій Дмитрей Ивановичъ, яко грядеть на него безбожнѣй царь Мамай съ многими ордами и съ всѣми силами, неуклонно яряся на христіанство<...> и ревнуя безглавному Батыю<...> велми опечалися о безбожныхъ нахожденіи». Неоднократно высылает великий князь «сторожей» в татарское Поле, «дабы истинну увѣдати царева хотѣнія». В первой и главной стороже отправил он «избранного своего юношу, доволна суща разумомъ и смыслом, имянемъ Захарію Тятишева и дасть ему два толмача<...> и злата много отпусти съ нимъ къ нечестивому царя Мамаю».

4. *Собираются войска и после молитвы выступают на Куликово поле.* Варианты, против обычной песенной практики, упорно перечисляют богатырей поименно: для вариантов эта подробность «типичная», как отметил акад. В. Ф. Миллер, на-

¹⁹ Государственный исторический музей (Москва), собр. А. И. Уварова, № 802. Скоропись XVII в.

считавший 22 имени богатырей, припомненных сказателями. В книжном тексте: «А самъ князь великій по всей Русской земли скорые гонцы разославъ с своими грамотами по всѣм градом: да вси готови будете на мою службу, на брань<...> И придоша к нему князи Бѣлозерская<...> храбри воины и удалы витязи и велми учрежено вѣиство их: князь Феодоръ Семеновичъ, князь Семень Михайловичъ, князь Андрѣй Кѣмскій, князь Глѣбъ Каргополоской, и Андомская князи, придоша ж Ярославская князи с своими силами: Андрѣй Ярославский, князь Романъ Прозоровскій, князь Левъ Курбскій, князь Дмитрей Ростовскій, инныя убо многие князи». Великий князь Дмитрий Иванович изображается постоянно прибегающим с молитвою к Богу; в песне не раз упоминается о молитве.

5. *Перед боем уряжаются полки.* В вариантах иногда точно указывается, кому ехать по правую, кому по левую руку, кто — посередине. Великий князь в «Сказании»: «праву руку уряди себѣ брата своего князя Владимира<...> а лѣвую руку себѣ сътвори князя Глѣба Брянскаго<...> передовой же полкъ Дмитрей Всеволож...».

6. *Бой с татарами.* Бой с татарами сначала ведет один богатырь, затем подоспевает дружина, заслышав шум его богатырских доспехов: звон палицы, чивканье сабли, рев турьего рога... В «Сказании» не менее поэтично: «Ту же, братие, стукъ стучить и аки гром гремить<...> поидеть силнаа рать<...> а гремять русские сынове своими злачеными доспѣхы». Войск много: поле Куликово «прегибается», реки из берегов выходят. Начало битвы в «Сказании» также начинается с единоборства: из татарского войска выехал исполин, подобный «древнему Голиаду», и стал вызывать поединщика. Откликнулся инок Сергиева монастыря Александр Пересвет.²⁰ Ударилсь копьями и оба пали. — Уваровский текст «Сказания» дает описание этого исполина, которого называет Телебеем: «Трею сажень высота его, а дву сажень ширина его, между плеч у него сажень мужа добраго, а глава его аки пивный котель, а между ушей у него стрела мерная, а между очи у него аки питиі чары, а конь под ним аки гора велия». Это описание *буквально* сходно с описанием грозного посла Мамаю в варианте О. 26 и показывает, что на этот раз на книжную повесть воздействовала старина. Здесь — пример обоюдных влияний, ибо органичный для «Сказания» великан Телебей нашел себе отражение в образах бабищи Мамаишны, Рославнея, Идолица, Тугарина, который, кстати сказать, всегда выступает с вышеприведенным описанием наружности. Образ нравился, но в песне ему не нашлось определенной роли.

²⁰ Уж не «пересмет» ли в варианте М. 81, если только не от глагола «пересметить»? Подробнее см. об этом: *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. Т. 2. М., 1910. С. 368—375.

7. Перед началом боя богатыри просят Владимира выставить угощение на случай, если вернутся живы с побоища, и похоронить, помянуть, если сложат головы. В одном из вариантов (Кривополеновой) Илья Муромец на просьбу к нему Владимира остаться в Киеве, пусть другие выступают, отвечает: «не выслуга это богатырская». В «Сказании» говорится, что великий князь пожелал стать в ряды, как простой воин. «Мнози ж рускїе богатыри удръжавше его, възбраниша ему, глаголюще: Тебѣ подобаеть особь стояти и на нас смотрѣти... Егда тя Господь упасеть милостию своею, и ты разумѣши, кого чим даровати<...> Тебѣ ж подобаеть великому князю рабом своим, елико кто заслужить своею главою, память сътворити<...> Аще тебе единого изгубим, тѣ отъ кого имама чяти, кто по нас память сътворить».

8. В «Сказании», по окончании побоища, оставшиеся в живых стали собираться по звуку трубы. Много пало в битве, самого великого князя нашли под усеченной березой. Варианты подчеркивают, что многие были убиты, некоторых участников сначала не досчитывались, потом уже они появились.

В книжной повести отсутствует заключительная часть песни: похвальба и ее провиденциальное наказание. Это — достойное исключительно поэтической композиции. Из «Сказания» взята, как и прежде, пластическая часть: поход и битва. С ним песня о Мамаевом побоище находится в еще более тесном соприкосновении, чем две вышеразобранных. Для полноты обращу внимание на некоторые мелочи.

1. У Т.—М. 8 богатыри собираются в Киев:

134. Не ясны соколы солеталися,
Не славны добры молодцы соезжалися,
Ко тому ли Владимиру собиралися...

В «Сказании»: «уже бо тогда яко соколи от златых колодиць рвахуся, выѣхали князи Бѣлозерстїи...». В другом месте: «уже бр яко орли слѣталися со всей Русской земли, съѣхалися дивныя удалцы...».

2. Тот же вариант упоминает о текущих реках крови и о похоронах убитых. «Сказание» говорит, что русские стояли за Доном восемь дней, пока не разобрали тела, христианские похоронили, татарские отдали зверям, Дон река три дня текла кровью.

3. У Гр. I, 75 Илья Муромец советует Владимиру отправить дары татарам, в «Сказании» этот совет подает митрополит Киприан.

Наконец, в вариантах песни рассеяно множество книжных формул, совпадающих с формулами песни о Михаиле Даниловиче и восходящих к тому же «Сказанию».

Владимир за богатырями посылает на «Куликово поле». Туда же уезжают они, не ужившись в Киеве. В поэтическом представле-

нии, таким образом, Куликово поле стало рисоваться каким-то гнездом богатырства. Такое впечатление, несомненно, создавалось под влиянием книжных повествований о Куликовской битве.

Остается заключительная часть: похвальба некоторых членов богатырской дружины, результатом чего стал вторичный бой с восставшей силой. Бой кончается снова победоносно, но хвастовство не проходит безнаказанно: в вариантах О. 26, М. 94 и Гр. I, 75 хвастуны погибают; у Т.—М. 8 умирают все богатыри; у Гр. III, 90 — один Илья Муромец. В остальных трех вариантах гибели нет: у Гр. III, 44 потому, что передатчик забыл содержание, у Гр. III, 111 сказано, что богатыри не добились восставшей силы и уехали, у Кир. I, с. 58 этого конца нет, но намек на неубывание избиваемой силы чувствуется при описании боя Ермака: сколько ни бьет их богатырь, не уменьшаются татары, только помощь товарищей его выручает. Погибают богатыри по-разному: «окаменевают» (О. 26, Гр. III, 90), бросаются на копья (М. 94), «преставляются» в пещерах киевских (Т.—М. 8). Разногласица, но ясно, что с богатырями после боя что-то случилось.

Этот эпизод о похвальбе оказывается присоединенным еще к некоторым вариантам иных сюжетов.

1. Гр. III, 402, вариант сюжета о бое Ильи Муромца с Калином царем, который в нем назван Кудреванищем, плохо знающий содержание, в стихах 271—285 дает весьма слабую реминисценцию эпизода похвальбы: Илья, Добрыня и Алеша, в конце концов, победили восставшую силу и приехали в Киев.

2. Р. 74, Г. 121 и Т.—М. 10 — Илья Муромец и Калин царь записаны от одного сказателя, Щеголенка. Два первых, короткие старины, заканчивая повествование, изображают Илью Муромца расхваставшимся: «Прирубили бы мы силу всю небесную». Татары удваиваются, после того как их «рассекут на полы»: Илья «переселся», конь его окаменел. Во втором прибавлено:

21. И сделались мощи да святыми
Да со стара казака Ильи Муромца.

В третьем варианте эпизод отсутствует. Видимо, что сказатель, большой комбинатор, не был уверен, нужен ли этот эпизод для исхода данного сюжета.

3. В варианте того же сюжета Г. 138 — расхваставшиеся богатыри вызвали на бой «силу небесную» и во время боя друг друга «прирезали».²¹

²¹ О том, что Илья Муромец «окаменел» и поныне сохраняются его «мощи нетленные», говорят его варианты Р. 176, Г. 221 и Г. 226 песни «О трех поездках Ильи Муромца». Здесь, по замечанию В. Ф. Миллера, сказалась основная идея

Несомненно, исходы указанных вариантов не органичны для их сюжетов, основательно забыты и попали в них из песни о Мамаевом побоище. Вмешательство нездешней силы, являющееся как возмездие не в меру расхваставшимся, было прикреплено именно к песне о Мамаевом побоище. Предполагать, что существовала какая-то особая «Песня о гибели богатырей» — нельзя. Исследователи обыкновенно ссылаются на единственный вариант, записанный Л. А. Меем от сибирского казака, вариант весьма сомнительный и по содержанию и по записи.²² Начинается он с рассказа о последовательных единоборствах Добрыни и Алеши с татаринном. Добрыня убит, Алеша одолел, хочет прикончить противника. Тот взмолился: принесу мертвой и живой воды, воскреснет Добрыня. «Песня о гибели богатырей» начинается, собственно, со стиха 148: Илья видит, что через Сафатреку переправляется громадная сила. Крикнул он зычным голосом богатырям, те поспешили на зов и изрубили силу. Стали хвалиться: «Не намахались наши плечи, не уходились кони, не притупились мечи». Алеша восклицает: «Подавай нам силу нездешнюю, мы и с той справимся!». Явилось двое «воителей». Не узнали их богатыри. Алеша налетел, ударил, стало четверо, Добрыня — восьмеро. Сколько ни били, «сила все растет, на богатырей с боем идет». Три дня бились богатыри, испугались, побежали в каменные горы, в темные пещеры, как побежит кто к горе, так и окаменеет. Эта во многом литературно обработанная старина напоминает контаминированную Г. 168 — «Добрыня и Алеша», мало, кстати сказать, вразумительную. В ней Добрыня, отправившийся в поле, увидел черного ворона, хотел его застрелить, но тот провещил: ступай на гору, велел он Добрыне, посмотри на восточную сторону, какая несметная стоит там сила. Чурило, Илья, Добрыня и Алеша побиили татар, не оставили на семена. Вдруг прошел слух, что убит Добрыня; Алеша начинает «подхаживать» к жене его. Следует рассказ о неудачной женить-

составителя песни, желавшего покончить авантюры богатыря «житием, т. е. подвигом благочестия, праведною кончиною и православием» (*Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. Т. 3. М.; Л., 1924. С. 146). В данном случае дело идет о приспособлении мотива, взятого из сюжета о гибели богатырей.

²² Подозрительны «витязи» (вместо «богатыри»), «воители», сама постройка песни. О ней О. Ф. Миллер выразился так: «...присутствие тут предводителя новгородского круга (Василия Буслаева) свидетельствует об искусственном <...> строе этой небывальщины» (*Миллер О. Ф.* Илья Муромец... С. 789). Также акад. А. Н. Веселовский писал: «...не коснулась ли внешней стороны былин эстетически исправляющая рука?» (*Веселовский А. Н.* Южнорусские былины. [Т. 2]. СПб., 1884. С. 257). Во всяком случае и тут эпизод о похвальбе — исходный для всей старины. Похожее на Меевскую запись приводил на лекциях в своем пересказе проф. С. П. Шевырев со слов одного студента.

бе Алеши, прерывающийся неожиданным возвращением опять к воинскому сюжету:

124. Тут они как в поле воевали
И тут они сказали:
И со небесной мы бы силой супротивились,
А не то что с силой проклятой!
Тут на них Господь прогневался,
Спустил на них столоп огненный.
Они как столоп перерублят, то два станет,
Два станет все поединщика.

Тут богатыри взмолились, одумались: «Нам бы тое же слово да не так сказать!», т. е. выразились они слишком кощунственно. Карающая сила здесь выражена в виде «огненного столпа». Это, вероятно, исконный образ, постепенно реализовавшийся сначала в нездешних воителей, потом в побитую татарскую силу.

Весь эпизод о гибели богатырей не может быть назван устойчивым. Богатыри победили неверных, потом некоторые из них («двое братьев», «Алеша», «Илья») возгордились, вообразили, что они непобедимы. Тогда явилась карающая сила («нездешние воители», «побитые татары»), стала расти после каждого удара богатырского вдвое, вчетверо... Богатыри взмолились о неладном слове. В результате — они победили снова, но или вернулись все, кроме хвастунов, или «переселились», погибли, или «преставились» в киевских пещерах, все или один Илья, или побежали в горы и там окаменели, или друг друга прирезали. В основе лежит только один факт: богатыри на Руси исчезли.

Песни о том, «как перевелись богатыри на святой Руси», исследователи касались не раз и считали ее самостоятельной композицией. Последователи мифологической школы (особенно акад. Ф. И. Буслаев) усматривали в ней отражение мифа о превращении людей в камни. Н. Квашнин-Самарин, Л. Н. Майков и О. Ф. Миллер — отражение исторического события — битвы на Калке. Это положение развивали: Н. П. Дашкевич, акад. А. Н. Веселовский и В. Ф. Миллер. Первый усматривал в старинах о гибели богатырей позднейшую переделку древней песни о Калкском побоище и в доказательство приволил «параллели» из летописных известий об этом событии. Они сводились к тому, что 1) и там и в песне в бой вступает небольшая богатырская дружина, 2) одинаково выдаются как герои Алеша и Добрыня и 3) что гибель богатырской дружины рассматривается как результат Божьего гнева.

Второй исследователь [А. Н. Веселовский] предполагал, что беспримерное поражение русских при Калке дотоле неизвестным, нездешним врагом вызвало покаянную песню, рассматривающую поражение как «суд божий» над православными людьми за грехи и гордыню. На Калке, названной некоторыми вариантами

«Сафат»-рекой, т. е. обратившейся в долину страшного суда — «Иосафатову», погибли лучшие силы земли Русской — тут перевелись богатыри.

Наконец, третий исследователь [В. Ф. Миллер] соединил старины о гибели богатырей с новейшими — «О Камском побоище» и усматривал в них многократно переделанную обработку древних сказаний о Калкском побоище. По его указанию, фонетически из «Калкское» вышло «Камское», так как первоначальный термин с течением времени стал непонятным. Отыменное прилагательное «камский» стало «простым эпитетом побоища, вроде: страшное, кровопролитное».

Никакого, однако, отражения Калкской битвы 1224 г. в песне не имеется.

1. Как самостоятельное целое эпизода о гибели богатырей не существует. Он органически соединен с вариантами, входящими к основной композиции, которую я называю «Песня о Мамаевом побоище». Заход эпизода в заключительную часть старин на другие сюжеты, как указано, случаен и для них неорганичен.

2. Варианты, озаглавленные «Мамаево» и «Камское» побоище, в общем, настолько сходны, что возводить их к разным композициям не приходится. Разнятся только эпитеты. Сходство их постройки с книжным «Сказанием» о Мамаевом побоище с очевидностью показывает, что уже если искать «исторических подлежащих», то надо обратиться к 1380, а не к 1224 г.

3. Песня о Мамаевом побоище, как и вообще песни татарского цикла, и не задавалась целью воспеть определенное историческое событие. Цель ее иная. Для ее выполнения она к повествованию, проведенному в панегирическом тоне и заимствованному из повести тоже триумфального характера, присоединила исход, говоривший о каком-то случае с богатырями.

4. Варианты не дают возможности утверждать, что похвальба окончилась гибелью всех русских богатырей и не указывает точно, какой именно. Н. П. Дашкевич справедливо заметил, что «окаменение» — эпический мотив наиболее распространенный. В старинах, по его мнению, замечается старание согласить предание о гибели богатырей вследствие окаменения с представлением о «святости» Ильи Муромца и кончине его в монастыре. Страница Г. 78 дает такое заключение последней поездке Ильи Муромца:

140. Приезжае он во славнои во Киев град
А ко тым ли он пещерам да ко киевским,
А прилетала невидима сила ангельска,
А взимали то его да со добра коня
И заносили во пещеры ты во киевски,
И тут же ведь старый опочив держал.

Ай потамест мы старому славы поем,
Старому казаку Ильи Муромцю.

Некоторые разобранные выше варианты не раз намекают, что в пещеры-монастыри ушел именно Илья, что там лежат его мощи. Все это можно поставить в связь (и ставилось О. Ф. Миллером) с почитанием в числе киевских печерских угодников «богатыря» Ильи Муромца. На первый план, таким образом, в песне выдвигается удаление в монастырь героя. Так, между прочим, думал Н. П. Дашкевич, говоривший, что «окаменение» получило христианское применение в смысле удаления в монастырь. Думается — наоборот: не «окаменение» получило применение в смысле удаления в монастырь, а само удаление символизировалось как окаменение. Так, по-видимому, понимал этот образ акад. А. Н. Веселовский, сказавший: «Старые герои удаляются на склоне дней, побежденные христианской идеей, в пещеры, в горы, т. е. в монастыри, — *богатыри уходят в монастыри*». Исследователю припомнился тут Михаил Данилович, который тоже удалился в монастырь, будучи обижен князем. Мотив остался жить в легенде о Михайлике и Золотых воротах, где герой тоже удаляется из мира.

Однако в данном случае мало ограничиваться одной ссылкой на «припоминание». Между уходом в монастырь неучествовавшего героя (в песне о Сухане — его гибели) и уходом богатырей в монастыри, где от них (по крайней мере, от Ильи Муромца) остаются мощи, — связь гораздо теснее.

Сначала приведу книжные параллели образу «нездешних воителей».

Чудесное видение воителей и столпа огненного во время боя — формулы многих воинских повестей. Ближайшая параллель находится в видении воина Фомы Кацибея в «Сказании» о Мамаевом побоище: «Облакъ от востока великъ зѣло, изрядно пріа, аки нѣкакія плѣки, к западу идушь. От полуденныя ж страна пріидоша уноши, имуща на себе свѣтлыи багряница, лица их сіающа, аки солнце, въ обоихъ рукахъ у них острые мечи. И начаша их сѣщи и всѣх изсѣкоша, ни едінъ от них не избысть». «Двое воителей» не раз повторяются в «Повести» об Азовском сидении. Тут даже сохранилась деталь, одинаковая с песней: рассечение на-полы, только эта роль отдана небесной силе: «...из Азова города выѣзжають<...> два младыя мужика въ бѣлыхъ ризахъ с мечами сотными и побивають они у насъ нашу силу туретцкую всю и пластають людей наших на-полы во всей одежде».

Другой образ — «столп огненный» находится в летописной записи о явлении столпа огненного над гробом Феодосия (под 1110 г.). Летописец толкует «столп» как видение ангела — предводителя русских на иноплеменников: «...се же бяше не огнь ни

столпъ, но видъ ангельскій: ангель бо сице является, ово столпомъ огнемомъ, ово же пламеномъ<...> Ангель бо приходит и показаеть нѣчто мало видинья своего, ово бо огнемъ, ово столпомъ, ово инакымъ видѣнемъ, яко мощно зрѣти имъ...».

Следовательно, песня о Мамаевом побоище для выявления своего замысла и в данном случае пользовалась книжным материалом.

В чем же заключался замысел песни?

Небесная сила в боевых описаниях всегда приходит на помощь правой стороне, как выражено в Галицко-Волынской летописи — «яко не отъ помощи человекомъ побѣда, но отъ Бога». Большею частию, конечно, она приходит на помощь русским, выступающим против врагов, по мнению книжников, всегда во имя справедливости. Но в летописной заметке 1399 г. о битве Витовта с татарским царем Темир-Кутлуем, где литовцы были наголову разбиты, сказано: «и поможе Бог татаром». Создается впечатление, что поражение в бою образно понималось вообще как результат непосильной борьбы с противником, на стороне которого стоит «нездешняя сила». В этом направлении надо понимать и положение в песне, где эта «сила» побеждает русских богатырей.

Впрочем, как указано, большинство вариантов не говорит о реальном одолении русской силы, наказываются, собственно, хвастуны. Но, в конце концов, богатырская дружина все же исчезает, окаменевая в горах, пещерах. Под последними подразумеваются, разумеется, «киевские горы», пещеры Киево-Печерского монастыря, где до последнего времени на самом деле показывались «мощи Ильи Муромца». Поэтому для акад. А. Н. Веселовского и наметилась параллель между легендой о Михайлике, который, по одним вариантам, находится в монастырь в Царьграде: «перед ним стаканчик воды да просфора», по другим — удалившемся просто «за якісь гори», и — Михаилом Даниловичем, скрывшемся до конца дней своих в монастыре.

Таким образом, основная идея песни была приблизительно такой: русское богатырство, победоносно борющееся с исконным врагом, татарами, удалилось в монастыри или погибло (в лице некоторых представителей). Лучше сказать, основываясь на судьбе Михаила и Сухана, было удалено вследствие опалы. Если последние отражают отношения Ивана Грозного к Михаилу Воротынскому, то песня о Мамаевом побоище касается общей разделки царя со своим окружением, т. е. отражает полную картину борьбы абсолютизма с феодалами, кончившейся победой первого.

Вина богатырей заключалась в том, что некоторые из них, упоенные победой, расхвастались своими воинскими успехами. Хвастуны погибли, остальные сошли со сцены. Здесь нашел себе

поэтическое выражение тот антагонизм, который со стороны «князей-бояр» формулирован в письмах Курбскому, со стороны абсолютной власти — в ответах ему царя. «Почто, царю! сильныхъ во Израили побиль еси? и воеводъ, отъ бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предаль еси?», — пишет Курбский. «Не прегордя ли царства разорили и подручныхъ во всемъ тобѣ сотворили мужествомъ храбрости ихъ, у нихъ же прежде въ работѣ быша праотцы наши?». — Здесь Курбский прямо намекает на татарскую силу, сокрушенную царскими «богатырями». Я сам, продолжает он, «предъ войскомъ твоимъ хождахъ и не исхождахъ и никоего же тебѣ безчестія приведохъ, но токмо побѣды пресвѣтлы помощію ангела Господня во славу твою поставляхъ, и никогда же полковъ твоихъ хребтомъ къ чюждимъ обратихъ, но паче одолѣнія преславныя на похвалу тобѣ сотворихъ».

Перечисление Курбским заслуг своих и боярских Грозный счел дерзким хвастовством. «Не пресвѣтлы ли побѣды съ божіею помощію на противные показаша? Се убо, гордостію дмяся, всуе хвалишися!». Царь далеко не разделяет убеждения феодалов, что они оказывали особую помощь государству. Грозный склонен, и то ограниченно, признать заслуги «князей-бояр» при взятии Казани, но под Астраханью, например, «ниже близъ вашей милости было, не точию дѣло» — вас под городом даже и не видали, а не только вы сражались. Если уж где искать богатырства, так в прошлом: предки ваши, пишет царь, ходили на войну, «никимъ же понуждаемы, но своими хотѣніи и бранной храбрости хотимы, а не яко же вы, еще понуждаемы на рать и о семь скорбяще...». На войну то не дозовешься, хороши богатыри! — таков смысл укоров. «И такіе храбрые тринадцать лѣтъ до нашего возраста не могоша отъ варваръ христіан защитити!».

Царь бросает жесткий упрек своим слугам: в том ли состоит ваша храбрость, если вы службу в войске считаете за опалу? «Сколько хожденія не бывало въ Казанскую землю, когда не съ понуждением, но съ хотѣніемъ ходисте?» — Иначе — так ли следовало покорять «прегордые царства», как вы, хвастуны, о себе говорите.

Разлад непримиримый: для Курбского богатыри-воеводы, сильные и храбрые, развеяны, удалены различными способами, для царя — все они хвастуны, лентяи, хороняки, люди, лишённые бранных качеств. Песня о Мамаевом побоище придерживалась первого взгляда. Отсюда — понятно ее классовое происхождение. Сложное идеологическое содержание не сделало ее распространенной: она не вызвала вторичной переработки, рассчитанной на популяризацию в посаде, и осталась существовать в неустойчивых вариантах, насколько память позволяла сохранять старую песню, содержание которой становилось мало понятным.